

Международно-правовые аспекты антифранцузских соглашений России, Пруссии и Австрии в 1813 году

Аннотация: В статье рассматриваются международно-правовые аспекты антифранцузских альянсов России, Пруссии и Австрии в 1813 г., а также договоры союзников по Шестой коалиции с бывшими членами Рейнского союза. Предпринимается анализ основных правовых принципов, на которых базировались эти соглашения, а также целей и задач, которые ставили перед собой союзники. Антифранцузские договоры анализируются в контексте споров между историками-модернистами (Ганс-Ульрих Велер, Отто Данн, Хаген Шульце), рассматривающими европейские войны начала XIX в. как первый в истории конфликт, приближенный к современному понятию "тотальная война", и между историками-ревизионистами (Уте Планерт, Карен Хагеманн, Дитер Лангевиеше) которые относят Наполеоновские и Освободительные войны 1806/1813–1815 гг. к классическим кабинетным войнам XVII–XVIII вв. В ходе исследования делается вывод о том, что союзники по антинаполеоновской коалиции больше ориентировались на традиционные методы ведения войны (создание коалиций, традиционная дипломатия, баланс сил), чем на современные ("тотальная война", массовая мобилизация, образ национального врага), и, соответственно, сочетают в себе черты как кабинетных войн, так и современных массовых вооружённых конфликтов.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, Освободительные войны, Шестая коалиция, тотальная война, Калишский союзный договор, Теплицкий договор, баланс сил, Рейнский союз, Ландвер

УДК 94(430).06

Abstract: The current paper studies the international legal aspects of the anti-French alliances between Russia, Prussia and Austria in 1813 as well as of the agreements between the allies and the former members of the Confederation of the Rhine. The analysis of the basic legal principles of these agreements is undertaken, the aims and intentions of the allies are very carefully examined. The building of the anti-French alliances is considered in connection with the discussion on the nature of the Napoleonic Wars between Modernist (Hans-Ulrich Wehler, Otto Dann, Hagen Schulze) and Revisionist (Ute Planert, Karen Hagemann, Dieter Langewiesche) historiography. The former regard the European wars of the early 19th century as the first "Total war" in history, the latter consider the Napoleonic and Liberation wars of 1806/1813–1813 as the continuation

---

* *Стерхов Дмитрий Владимирович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Российского национально-исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (e-mail: dmitrii_sterhov@mail.ru)

of the traditional cabinet wars of the 17th and 18th centuries. The analysis of the anti-French agreements concluded in 1813 reveals that the allies were guided mostly by traditional warfare (building of coalitions, diplomatic negotiations, balance of power) rather than by modern methods (total war, mass mobilization, image of the national enemy). Accordingly, the Napoleonic and Liberation Wars can be considered as a combination of cabinet wars as well as modern mass warfare.

Key words: Napoleonic Wars, Liberation Wars, the Sixth Coalition, Total War, Treaty of Kalisz, Treaty of Teplitz, balance of power, Confederation of the Rhine, Landwehr

Известный историк Петер Брандт назвал Освободительные войны 1813–1815 гг. "ключевым событием современной немецкой национальной истории"¹. Либеральной историографией середины XIX в. была заложена традиция рассматривать Освободительные войны преимущественно как конфликт между немецкой и французской нациями, при этом решающую роль в разгроме врага, по мнению представителей этого направления, сыграла Пруссия – так зарождался популярный миф о "немецкой миссии Пруссии", представленный в трудах таких крупных исследователей, как Иоганн Густав Дройзен, Людвиг Хойссер, Вильгельм Онкен и Генрих фон Трейчке². Мотив национально-освободительной войны был важен и для марксистской историографии ГДР, представители которой, однако, делали дополнительный акцент на классовой борьбе, а также исторической дружбе между немецким и русским народами³. Западногерманские историки, некоторое время не проявлявшие интереса к тематике Освободительных войн, вновь активно занялись этой проблемой в 1970-е гг., теперь уже с позиций модернизма. Модернистская историография, представленная такими исследователями, как Ганс-Ульрих Велер, Томас Ниппердай, Отто Данн, Хаген Шульце, продолжала трактовать Освободительные войны с национальных позиций, однако процесс складывания немецкой нации рассматривался в контексте формирования современного общества и государства в начале XIX в. и напрямую связывался с общими модернизационными процессами, происходящими в это время в немецком обществе⁴. Помимо национального, историками-модернистами подчёркивался и иной аспект войн начала XIX в. – они рассматривались как первые в истории абсолютные, тотальные войны, которые велись не ради присоединения отдельных территорий или баланса сил в Европе, а во имя сохранения наций и народов. Массовый, тотальный характер Наполеоновских войн обеспечивался введением во многих государствах

¹ Brandt P. Die Befreiungskriege von 1813 bis 1815 in der deutschen Geschichte. / Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup. Hrsg. von M Grüttner, R. Hachtmann, H.-G. Haupt Frankfurt-am-Main, 1999. S. 17.

² Akaltin F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1997. S. 284–288.

³ Hagemann K. „Männlicher Muth und teutsche Ehre“. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn u.a., 2000. S. 48–49.

⁴ Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983. S. 82–101; Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat. Die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München, 1985. S. 49–58; Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 1. Vom Feudalismus des Alten Reiches bis zur defensiven Modernisierung der Reformära. 1700–1815. München, 1987. S. 506–530; Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990. München, 1994. S. 20–21.

Европы всеобщей воинской повинности, а также созданием народных ополчений, добровольческих и партизанских отрядов и т.д. Концепция "тотальной войны" представлена преимущественно в трудах англоязычных авторов (Дэвид Бэлл⁵, Марк Хьюитсон⁶).

Однако начиная со второй половины 1990-х гг. традиционные представления о сущности Освободительных войн стали резко меняться. Современные немецкие историки пересматривают устоявшиеся точки зрения и трактуют бурные события начала XIX в. с иных позиций, во многом противоречащих устоявшимся концепциями. В этой связи необходимо упомянуть работы исследовательницы Уте Планерт, которая радикально порывает с модернистской трактовкой и указывает на то, применительно к периоду 1806–1815 гг. вообще неприменимо понятие "немецкая национальная история" ввиду слишком сильных региональных различий. Планерт утверждает, что Освободительные войны не стали прорывом к современности, они не оказали серьёзного влияния на складывание современного общества и национального государства в Германии, не помогли преодолеть локальный патриотизм и династическую лояльность населения разных германских государств, да и по сути не принесли ничего нового ни в военной, ни в политической, ни в социальной сферах, так как являлись продолжением традиций XVIII в.⁷ Немецкую Освободительную войну за независимость нации под предводительством Пруссии Уте Планерт считает политическим и историографическим мифом, который легко разбивается и рассеивается при анализе конкретных источников⁸. Ревизионистские концепции набирают всё большую популярность в современной исторической науке, так, вышедшая в начале 2017 года коллективная монография немецких историков, посвящённая Битве народов под Лейпцигом и её историческому значению, написана в духе последних тенденций: Освободительные войны более не рассматриваются как единое событие, а распадаются на множество тем и дискурсов, среди которых национальный уже не является доминирующим. Кроме того, отвергается представление о тотальном, абсолютном характере Освободительных, и, расширенно, Наполеоновских войн в целом⁹.

Победу в войнах 1813–1815 гг. одержало не какое-то отдельное государство, а Антифранцузская коалиция, костяк которой был сформирован в феврале-марте 1813 г. благодаря заключению франко-прусского альянса. К России и Пруссии вскоре присоединились Великобритания и Швеция, в конце июня 1813 г. в коалицию вступила и Австрия. Для определения целей и задач войны с Францией союзники

⁵ Bell D.A.. The First Total War. Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it. New-York, 2007.

⁶ Hewitson M. Absolute War. Violence and Mass Warfare in German Lands, 1792 – 1820. Oxford, 2017.

⁷ См. подробнее: Planert U. Wann beginnt der „moderne“ deutsche Nationalismus? Plädoyer für eine nationale Sattelzeit / Die Politik der Nation. Deutscher Nationalismus in Krieg und Krisen 1760 – 1960. Hrsg. von J. Echternkamp und S. V. Müller. München, 2002. S. 25–60.

⁸ Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792-1841. Paderborn, 2007. S. 477.

⁹ Langewiesche D. Imperium – Nation – Volkskrieg. „1813“ in der europäischen Geschichte. / Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen 1813–1913–2013. Hrsg. von M. Hofbauer und M. Rink. Berlin, 2017. S. 25–43.

заклучали многосторонние договоры, анализ которых может помочь понять, какие принципы были заложены в основу антифранцузских соглашений и какую роль при этом играли национально-освободительные мотивы. В качестве основных источников будут использованы: Калишский союзный договор, заключённый между Пруссией и Россией 28 февраля 1813 г. и положивший начало Шестой коалиции, Калишская прокламация от 4 марта 1813 г., прусский манифест об объявлении войны Франции от 16 марта 1813 г., русско-прусская конвенция от 19 марта 1813 г., подписанная в городе Бреслау, Райхенбахская конвенция между союзниками и Австрией от 27 июня 1813 г., австрийский манифест об объявлении войны Франции от 12 августа 1813 г., Теплицкий союзный договор между Россией, Пруссией и Австрией от 9 сентября 1813 г., Франкфуртские соглашения между союзниками ноября–декабря 1813 г, а также договоры о присоединении к коалиции Баварии, Бадена, Вюртемберга и других бывших членов Рейнского Союза, заключённые в октябре–декабре 1813 г. Обращение к конкретным источникам позволит ответить на вопрос, вокруг которого сегодня идут непрекращающиеся споры: можно ли рассматривать период Освободительных войн как прорывную эпоху первой в истории "тотальной войны", или, скорее, как продолжение предшествующей ей эпохи "кабинетных" войн.

Первое, что бросается в глаза при анализе русско-пруско-австрийских соглашений – все они написаны на французском языке, несмотря на то, что заключены они были против Франции. Также на французском языке составлены договоры между членами коалиции и государствами Рейнского союза, заключённые после битвы под Лейпцигом в октябре–ноябре 1813 г. Несмотря на антифранцузскую направленность союзных соглашений, отказываться от французского языка как от языка международной дипломатии ни одна из сторон не собиралась.

Во-вторых, антифранцузские договоры и соглашения полны отсылок к Богу и божественному Провидению – ещё одна черта, которая свидетельствует, скорее, о силе старых традиций, чем об утверждении новых тенденций светской дипломатии. Так, союз России и Пруссии, заключённый 28 февраля 1813 г., приобретает сакральные, священные черты, ибо, как указано в самом договоре, обе стороны были сведены друг с другом по воле божественного Провидения. В статье III соглашения обе стороны обязуются поддерживать друг друга в войне против Франции "всеми средствами, которые божественное Провидение предоставило в их распоряжение"¹⁰. Прямые отсылки к божьей воле можно встретить и в Калишской прокламации, и в прусском, и австрийском манифесте об объявлении войны Франции¹¹. Использование религиозной лексики и символики, безусловно, не являлось чем-то необычным для начала XIX в., в научной литературе неоднократно подчёркивалось, что и формирующаяся немецкая национальная идея, и локальные патриотизмы (пруссский, баварский,

¹⁰ Corpus Juris Confoederationis Germanicae oder Staatsacten für Geschichte und öffentliches Recht des Deutschen Bundes. Herausgegeben von Philipp Anton Guido von Meyer. Erster Theil. Staatsverträge. Frankfurt am Main, 1858. S. 135.

¹¹ Ibid. S. 146, 177.

саксонский) облекались в религиозные формы¹², однако в контексте антифранцузских соглашений речь идёт, скорее, о традиционном способе легитимации вооружённых действий со стороны их участников. Несмотря на то, что в Новое время в связи с процессами секуляризации религия утратила своё исключительное влияние на умы людей, представление о божественном происхождении войны продолжало оставаться популярным¹³. Теологический концепт о справедливой войне, которую от имени Бога ведут союзные монархи против безбожника Наполеона, был как никогда актуален в начале XIX в. и, соответственно, нашёл своё отражение в антифранцузских соглашениях 1813 г.

Помимо отсылок к Богу, союзники в своих договорах прибегают к другому традиционному способу легитимации войны, а именно обвинению противника в нарушении мира и справедливости, ради восстановления которых и будет вестись война. В прусской декларации об объявлении войны от 16 марта 1813 г. перечисляются все те несправедливости, которые Наполеон совершил в отношении Пруссии, главным из которых являлось нарушение французским императором своих обязательств по франко-прусскому договору от 24 февраля 1812 г. В то время как прусский король, согласно манифесту, добросовестно выполнял все свои обязательства и предоставил Наполеону войска для похода против России, последний нарушил все данные им обещания, в частности, не выделил необходимых средств на содержание французских гарнизонов в прусских крепостях, нарушил нейтралитет некоторых прусских провинций и, в конечном счёте, бросил разорённую Пруссию на произвол судьбы, оставив её один на один с могущественной Россией. Оскорблённый такой несправедливостью со стороны союзника, прусский король был вынужден обратиться за помощью к России. Из текста декларации следует, что Наполеон сам, своими недружественными действиями привёл Пруссию в антифранцузский лагерь¹⁴. Не менее длинный список обид и несправедливостей содержит и австрийский манифест об объявлении войны Франции от 19 августа 1813 г., среди которых упоминаются: лишение Австрии Иллирийских провинций, а вместе с ними и выхода к морю, принуждение к Континентальной блокаде, грубое поведение французских дипломатов во время мирного конгресса в Праге, срыв австрийской инициативы к миру. В манифесте подчёркивается, что император Австрии Франц I не испытывает личной неприязни к Наполеону и заинтересован в сохранении мира, однако ввиду тех несправедливостей и актов насилия, которые творит французский император, вынужден объявить последнему войну. Австрия не ищет никаких выгод в свою пользу, но лишь заботиться о восстановлении мира и справедливого порядка вещей¹⁵.

С позиций восстановления нарушенной справедливости трактуются и те цели войны, о которых заявляют в договорах и манифестах союзники. Так, в секретной статье Калишского соглашения

¹² Echternkamp J. „Religiöses Nationalgefühl“ oder „Frömmerei der Deutschtümler“? Religion, Nation und Politik im Frühnationalismus. / Haupt H.-G., Langewiesche D. (Hg.). Nation und Religion in der deutschen Geschichte. Frankfurt/Main, 2001. S. 142–169.

¹³ Buschmann N. Einkreisung und Waffenbruderschaft. Die öffentliche Deutung von Krieg und Nation in Deutschland 1850–1871. Göttingen, 2003. S. 109–110.

¹⁴ Corpus Juris Confoederationis Germanicae... S. 163–166.

¹⁵ Ibid. S. 177–187.

говорится о том, что цель русско-прусского союза является восстановление Пруссии в границах 1806 г., гарантом чего должен был выступать Александр I. Пруссия должна была получить назад польские провинции, отобранные у неё Наполеоном по решению Тильзитского мира 1807 г., а также некоторые владения в северной Германии, за исключением Ганновера¹⁶. Теплицкое соглашение между Россией, Пруссией и Австрией от 9 сентября 1813 г. предусматривало "восстановление австрийской монархии как можно ближе к границам 1805 года"¹⁷. Все освобождённые от французов территории, не принадлежавшие Пруссии или Австрии, управлялись общей союзной администрацией, их судьба должна была решиться уже после окончательной победы над Наполеоном. Таким образом, союзники в своих целях строго придерживались принципа легитимизма и стремились к восстановлению довоенного состояния своих государств, для Австрии "нормальным годом" был 1805 г., для Пруссии – 1806. Целей объединить Германию или немедленно присоединить освобождённые территории никто из союзников не ставил. Любые территориальные вопросы следовало решать дипломатическим путём на международных конгрессах.

Обращает на себя внимание и глобальная цель антинаполеоновских войн, которая также неоднократно встречается в русско-прусско-австрийских соглашениях. В Теплицком договоре от 9 сентября 1813 г. Россия, Австрия и Пруссия объявляют целью войны против Франции "восстановление баланса в Европе и распределение сил европейских государств таким образом, чтобы обеспечить это равновесие". О восстановлении баланса сил в Европе речь идёт и в договорах, подписанных между союзниками и бывшими государствами Рейнского союза, в частности в соглашениях с Баварией и Вюртембергом: оба государства обещают воевать в составе коалиции вплоть до "восстановления равновесия между державами", с помощью которого можно будет добиться "состояния настоящего мира для Европы"¹⁸. Союзники, как можно было убедиться, не придумали ничего нового, они апеллировали к традиционной концепции баланса сил, которая уходит своими корнями в Античность и принимает классические черты в XVIII в.¹⁹ В антифранцузских договорах не идёт речи о войне на уничтожение, о тотальной войне наций или государств, всё, чего хотят союзники – это добиться упразднения гегемонии Франции в Европе и вернуться к привычному балансу сил, не допускающему доминирования какой-либо одной европейской страны над другими.

В пользу того, что союзники не рассматривали войну против Наполеона как тотальную, говорит и тот факт, что в договорах полностью отсутствует образ национального врага. В соглашениях подчёркивается, что война ведётся не против французского народа, а против экспансионизма Наполеона, который вышел за пределы естественных границ Франции. И в Калишском, и в Теплицком

¹⁶ Ibid. S. 137.

¹⁷ Ibid. S. 145.

¹⁸ Ibid. S. 145, 217, 222.

¹⁹ Sheehan M. The Balance of Power. History and Theory. New-York, 1996. P. 24–52.

союзных договорах говорится о том, что союзники преследуют цель защитить свои государства и народы от наполеоновской агрессии, но никак не уничтожить Францию или свести её влияние к минимуму. Совсем наоборот, в декларации, подписанной во Франкфурте 1 декабря 1813 г., союзники чётко заявляют: "Державы воюют не против Франции, но против её слишком явного господствующего положения, которого, для несчастья всей Европы и самой Франции, добился император Наполеон, выйдя за пределы своей Империи. Союзные суверены желают того, чтобы Франция была великой, сильной и счастливой, ибо великая и сильная Франция является неотъемлемой частью общественного устройства. Они желают того, чтобы Франция была счастливой, чтобы возродилась французская торговля, чтобы процветали искусства и науки, эти блага мирного времени, ибо великий народ не может быть спокойным, если он несчастлив. Союзные державы гарантируют французской империи обширные границы и территории, которых Франция никогда не имела при своих королях. Но союзные державы тоже хотят быть свободными, счастливыми и спокойными. Они хотят состояния мира, достижимого путём разумного распределения сил и установления справедливого баланса, который отныне сможет защитить наши народы от тех бесчисленных бед, которые вот уже 20 лет терзают Европу". Ту же идею выражает декларация к французскому народу фельдмаршала Карла Шверценберга от 28 декабря 1813 г., изданная накануне союзного вторжения на территорию Франции: "Мы не ведём войну против Франции, но мы хотим отбросить как можно дальше от себя то иго, которое ваше правительство навязало нашим странам. Наши народы имеют такое же право на независимость и счастье, как и вы"²⁰. В договорах и прокламациях союзников не звучат призывы к мести, отсутствуют образы национального врага, совсем наоборот, воюющие державы всячески подчёркивают свои благородные намерения и заявляют о том, что ведут военные действия не против французской нации, но против тирана Наполеона, от действий которого страдает сам французский народ.

Если в соглашениях 1813 г. нет образа национального врага, точно так же в них отсутствуют призывы к национальному объединению Германии. На первый взгляд может показаться, что стремления к национальному единству всё же присутствуют в договорах, так, к примеру, в русско-прусском договоре, подписанном 19 марта 1813 г., говорится о том, что одной из целей союза России и Пруссии является стремление "освободить Германию от влияния и доминирования Франции и пригласить немецких князей и их народы принять участие в деле освобождения их родины"²¹. Тем немецким князьям, которые проигнорируют этот призыв, грозит полное лишение их владений. Подобные мотивы звучат и в Калишской прокламации Михаила Илларионовича Кутузова от 4 марта 1813 г., в которой фельдмаршал обращается к немцам, в первую очередь к князьям Рейнского союза, с требованием

²⁰ Corpus Juris Confoederationis Germanicae... S. 205–206.

²¹ Ibid. S. 138.

перейти на сторону антинаполеоновской коалиции и сражаться за свободу и независимость Германии²². В договорах и прокламациях союзников часто говорится о вредоносном иностранном "влиянии", под которым находится Германия, а также об иноземном "иге", от которого страдают немецкие народы. Однако в этих высказываниях вряд ли можно видеть отражение национального принципа в современном понимании. Цель союзников заключалась не в том, чтобы поднять население германских государств на национальную борьбу против французов, а в том, чтобы побудить правителей государств-членов Рейнского союза (все национальные призывы были обращены в первую очередь к ним, а затем уже к их подданным) отречься от Наполеона и присоединиться к антифранцузской коалиции. Никакого существенного результата эта национальная пропаганда не дала: германские государства Юга и Запада Германии стали переходить на сторону коалиции только накануне или уже после битвы народов под Лейпцигом (16–19 октября 1813 г.), проигранной Наполеоном. Немецкие союзники Наполеона были готовы держаться за него до тех пор, пока он был успешным победителем, и тут же стали отпадать от него, как только удача улыбнулась его противникам. Показательным примером может служить Саксония, чей король Фридрих Август I до последнего сражался в наполеоновском лагере, в результате чего был взят в плен и лишился почти половины своих владений²³. Не удивляет тот факт, что национальная пропаганда союзников почти сходит на нет после окончательного изгнания французов из Германии. Цель была достигнута: Рейнский союз распался, практически все его члены перешли на сторону коалиции, смысла в дальнейшем распространении национальных идей не было.

В международных договорах 1813 г. нет никаких конкретных планов и проектов относительно единства Германии. Все эти вопросы не являлись на тот момент актуальными для союзников и должны были решаться дипломатическим путём уже после разгрома Наполеона. Предложения к объединению в единое германское государство отсутствуют и в соглашениях между союзниками и членами Рейнского союза, заключённых в ноябре–декабре 1813 г. Наоборот, бывшим сателлитам Наполеона (Бавария, Баден, Вюртемберг, Гессен, Нассау) гарантируется их полный суверенитет взамен на выход из Рейнского союза. Соглашения предусматривали возможное отторжение каких-либо территорий, однако с обязательной компенсацией, при этом союзники обещали соблюдать территориальную целостность германских государств, переходящих на сторону антинаполеоновской коалиции²⁴. Союзники шли на подобные уступки, не соответствующие идее создания единого немецкого национального государства, с целью как можно крепче привязать к себе государства Юга и Запада Германии и окончательно оторвать их от наполеоновской Франции. То, чего не удалось добиться с помощью национально-патриотической пропаганды, было достигнуто с помощью традиционной дипломатии.

²² Ibid. S. 146–147.

²³ Siegel C., Janke T. Sachsen und Napoleon 1806 bis 1813. Zusammen in die Niederlage / Die Völkerschlacht bei Leipzig... S. 231–246.

²⁴ Corpus Juris Confoederationis Germanicae... S. 223.

Многие исследователи, рассматривающие конфликты начала XIX в. как первые войны современного типа, указывают на то, что именно в этот период появляется концепция "народной" войны, которая находит своё воплощение в создании добровольческих отрядов, военных ополчений, организации партизанского движения. Действительно, в германских государствах подобные учреждения появляются только в эпоху Наполеоновских войн, более того, в 1814 г. в Пруссии впервые вводится всеобщая воинская повинность. Однако современные историки не склонны абсолютизировать эти тенденции. Так, исследования последних десятилетий показали, что боеспособность добровольческих отрядов была низкой, а истории об их героизме являются по большей части историческим мифом. Это касается, в том числе, и самого прославленного добровольческого корпуса эпохи Наполеоновских войн – Фрайкора Лютцова²⁵. Создание в марте 1813 г. народного ополчения в Пруссии (Ландвер) можно с большими оговорками рассматривать как попытку организации массовой народной войны против Наполеона. Идея введения всеобщей воинской повинности, пропагандируемая генералами Герхардом фон Шарнхорстом и Германном фон Бойеном, натолкнулась на отчаянное сопротивление как со стороны светских министров, так и их коллег по цеху, в итоге концепция "народной войны" была реализована совсем не так, как это видели прусские военные реформаторы. Фактически Ландвер не стал самостоятельной боевой единицей, а превратился в резерв для регулярной армии. Несмотря на то, что международные договоры 1813 г. предусматривали создание народных ополчений (*milice nationale*) как в Пруссии (Калишский союзный договор)²⁶, так и в других германских государствах (Ганновер, Бавария, Баден, Вюртемберг, Гессен – Франкфуртское соглашение о создании общей системы военной защиты для Германии от 18 ноября 1813 г.²⁷), о самостоятельных операциях Ландвера речи не шло. Союзниками было решено, что все подобные воинские формирования становились частью регулярной армии с тем лишь отличием, что Ландвер мог принимать участие в военных операциях за пределами Германии, в то время как Ландштурм предназначался для защиты собственных территорий. Ввиду практически полного освобождения Германии от французских войск после битвы под Лейпцигом создание Ландвера и Ландштурма в бывших государствах Рейнского союза уже не имело серьёзного стратегического значения. Бесконтрольной народной освободительной войны по типу испанской герильи не было ни на Юге и Западе Германии, ни в самой Пруссии, где уже с лета 1813 г. наблюдалась тенденция к слиянию Ландвера и регулярной армии²⁸. Не общенемецкое народное восстание, а скоординированные действия союзников и спланированные операции регулярных армий привели к падению Наполеона.

²⁵ Brandt P. Einstellungen, Motive und Ziele von Kriegsfreiwilligen 1813/14: das Freicorps Lützow. / *Kriegsbereitschaft und Friedensordnung in Deutschland, 1800 – 1814*. Hrsg. von J. Dülffer. Münster-Hamburg, 1995. S. 211–233.

²⁶ *Corpus Juris Confoederationis Germanicae...* S. 135.

²⁷ *Ibid.* S. 200.

²⁸ Walter D. *Preußische Heeresreformen 1807 – 1870. Militärische Innovation und der Mythos der „Roonschen Reform“*. Paderborn, 2003. S. 290.

На основе анализа антифранцузских договоров и соглашений России, Австрии, Пруссии и бывших государств Рейнского союза можно сделать вывод о том, что союзники преимущественно ориентировались на классические методы ведения войны (регулярная армия, традиционная дипломатия, международные конгрессы, баланс сил). Принцип национальной войны не был представлен в международных договорах, образ национального врага не являлся ведущим. Наполеона и его противников не разделяла идеологическая пропасть, наоборот, и союзники, и французский император придерживались примерно одинаковых позиций. Ни одна из сторон не ставила целью создать национальное государство. Также не предполагалось инициировать неконтролируемое народно-освободительное движение против Наполеона, наоборот, любые национальные движения, тем более вооружённые, должны были находиться под строгим контролем союзников. Союзники делали ставку не на массовую поддержку населения, а на военные операции регулярных армий. Тотальной войны всё же не случилось, союзные договоры 1813 г. даже не предусматривали подобного варианта развития событий. По сути Наполеоновские войны представляли собой борьбу между старой идеей баланса сил в Европе и концепции универсальной империи, но никак не конфликт между национальными государствами, борющимися за право на самоопределение и независимость. Вполне возможно, что в споре между модернистами и их противниками правы последние: Освободительные войны 1806/1813–1815 гг. носят черты как классических кабинетных войн, так и массовых войн современности, но, скорее, являются продолжением конфликтов XVII–XVIII вв., чем первой в истории Тотальной войной.

Библиография (Bibliography):

- Akaltin F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1997.
- Bell D.A. The First Total War. Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it. New-York, 2007.
- Brandt P. Die Befreiungskriege von 1813 bis 1815 in der deutschen Geschichte. / Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup. Hrsg. von M Grüttner, R. Hachtmann, H.-G. Haupt Frankfurt-am-Main, 1999.
- Brandt P. Einstellungen, Motive und Ziele von Kriegsfreiwilligen 1813/14: das Freicorps Lützow. / Kriegsbereitschaft und Friedensordnung in Deutschland, 1800–1814. Hrsg. von J. Dülffer. Münster-Hamburg, 1995.
- Buschmann N. Einkreisung und Waffenbruderschaft. Die öffentliche Deutung von Krieg und Nation in Deutschland 1850–1871. Göttingen, 2003.
- Corpus Juris Confoederationis Germanicae oder Staatsacten für Geschichte und öffentliches Recht des Deutschen Bundes. Herausgegeben von Philipp Anton Guido von Meyer. Erster Theil. Staatsverträge. Frankfurt am Main, 1858.
- Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990. München, 1994.
- Echternkamp J. „Religiöses Nationalgefühl“ oder „Frömmerei der Deutschtümler“? Religion, Nation und Politik im Frühnationalismus. / Haupt H.-G., Langewiesche D. (Hg.). Nation und Religion in der deutschen Geschichte. Frankfurt/Main, 2001.
- Hagemann K. „Männlicher Muth und teutsche Ehre“. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn u.a., 2000.

- Hewitson M. *Absolute War. Violence and Mass Warfare in German Lands, 1792 – 1820*. Oxford, 2017.
- Langewiesche D. *Imperium – Nation – Volkskrieg. „1813“ in der europäischen Geschichte. / Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen 1813–1913–2013*. Hrsg. von M. Hofbauer und M. Rink. Berlin, 2017.
- Nipperdey T. *Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat*. München, 1983.
- Planert U. *Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841*. Paderborn, 2007.
- Planert U. *Wann beginnt der „moderne“ deutsche Nationalismus? Plädoyer für eine nationale Sattelzeit / Die Politik der Nation. Deutscher Nationalismus in Krieg und Krisen 1760–1960*. Hrsg. von J. Echternkamp und S. V. Müller. München, 2002.
- Schulze H. *Der Weg zum Nationalstaat. Die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung*. München, 1985.
- Sheehan M. *The Balance of Power. History and Theory*. New-York, 1996.
- Siegel C., Janke T. *Sachsen und Napoleon 1806 bis 1813. Zusammen in die Niederlage / Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen 1813–1913–2013*. Hrsg. von M. Hofbauer und M. Rink. Berlin, 2017.
- Walter D. *Preußische Heeresreformen 1807–1870. Militärische Innovation und der Mythos der „Roonschen Reform“*. Paderborn, 2003.
- Wehler H.-U. *Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 1. Vom Feudalismus des Alten Reiches bis zur defensiven Modernisierung der Reformära. 1700–1815*. München, 1987.